

ского музея, была не единственной. Трактовка образов «Повести» нашла себе и иную социальную и иную эмоциональную окраску, как и иное пластическое воплощение, в иконе из Муромского краеведческого музея, являющейся вкладом 1618 г. в Муромский собор племянника знаменитого Авраамия Палицына — муромского воеводы Андрея Федоровича Палицына.

В тридцати шести клеймах этой житийной иконы «Муромских чудотворцев» остро выражены антибоярские тенденции «Повести». Именно в ней последовательно, из клейма в клеймо житийного цикла, прославляется поэтический образ мудрой девы из народа — Февронии. Как уже говорилось, икона исполнена, по всей вероятности, в мастерской Троице-Сергиевой лавры,²³ с которой прочно связан был род Палицыных на протяжении почти двух столетий.²⁴ Полная независимость как с точки зрения идейной направленности, так и в самом воплощении средствами изобразительного искусства содержания «Повести» в иконе 1618 г. свидетельствует о наличии второго и возможно более древнего иконографического извода, сложившегося в кругу, в котором достаточно устойчиво держались антибоярские и демократические тенденции.

С иконографией «Повести о Петре и Февронии» мы сталкиваемся не в момент ее возникновения и формирования, а в ту пору, когда сложился образный строй и идейная трактовка житийного цикла и в иконах, и в миниатюрах. Установить отправные моменты формирования этих циклов достаточно сложно. Однако с уверенностью можно сказать, что если текстологический анализ «Повести» позволяет предположить наличие двух ее архетипов, к которым восходят соответственно две группы дошедших до нас списков, то и анализ памятников изобразительного искусства дает нам два иконографических извода, отличающихся по образному строю и внутренней направленности.

Процесс сложения этих иконографических изводов всякий раз связан с кругом книжников, «любителей просвещения» и миниатюристов или иконных мастеров столицы. Но если последние черпают свои образы из богатого источника местных преданий и традиций, то в свою очередь произведения изобразительного искусства, созданные царскими или митрополитскими изографами, в процессе интерпретации их провинциальными мастерами, зачастую обогащаются новым эмоциональным звучанием и, повторяясь в списках, вариантах и копиях, живут на протяжении столетий.

²³ О. Подобедова. «Повесть о Петре и Февронии» как литературный источник житийных икон XVII века, стр. 296.

²⁴ С. В. Бахрушин. Андрей Федорович Палицын. В кн.: С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III. М., 1955, стр. 176—177.